

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННАГО ВЫСТУПЛЕНІЯ БѢЛЫХЪ.

Красные: «Смѣло мы въ бой пойдемъ
За власть совѣтовъ!
И какъ одинъ прольемъ
Мы кровь кадетовъ!..»

Бѣлые: «Смѣло мы въ бой пойдемъ
За Русь Святую!
И какъ одинъ умремъ
За дорогую!..»

(Изъ пѣсенъ гражданской войны).

I.

Неудача, постигшая вооруженное выступленіе бѣлыхъ, повела къ укрѣпленію коммунистической власти въ Россіи болѣе чѣмъ на десятилѣтіе. И потому историкъ, изслѣдующій пути и судьбы русской революціи, долженъ будетъ всесторонне изучить тѣ причины, которыя вызвали неудачу бѣлаго оружія.

Вооруженное выступленіе бѣлыхъ не есть самостоятельный и обособленный эпизодъ въ исторіи русской революціи: это есть одна изъ стадій большого патріотическаго движенія — бѣлаго движенія. Этихъ стадій было нѣсколько: зарожденіе, развертываніе (т. е. именно вооруженное выступленіе, — наиболее активная стадія движенія), исходъ его изъ Россіи, организація его за рубежомъ и... — какъ сложится дальнѣйшее развитіе бѣлаго движенія, сказать, конечно, трудно, но несомнѣнно, что послѣдняя стадія его далеко еще не пройдена.

Я хотѣлъ бы заранѣе оговориться о тѣхъ органическихъ недостаткахъ, которые неизбѣжны въ моемъ очеркѣ. Именно, я долженъ признать, что мое «я» совершенно поглощено бѣлымъ движеніемъ, вошло въ него, осталось въ немъ и будетъ въ немъ находиться до послѣдняго момента моего существованія. Поэтому, абсолютно безпристрастнымъ по отношенію къ бѣлому движенію я быть не могу... По именно поэтому без-

пристрастное рѣшеніе вопроса о томъ, почему мы, бѣлые, тогда не побѣдили и были вынуждены покинуть предѣлы Россіи, — пріобрѣтаетъ для меня дѣйственное значеніе. становится актомъ единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здѣсь о моральномъ значеніи бѣлаго оружія... Не будь этого вооруженнаго сопротивленія, исторія могла бы считать, что все въ странѣ сочувствовало коммунистическому перевороту, что никто не нашелъ въ себѣ мужества протестовать противъ того, противъ чего порядочный человѣкъ не протестовать не могъ...

Въ тотъ моментъ, когда такъ называемый «пролетаріатъ» въ 1917 году захватилъ власть въ столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и началъ распространяться по другимъ большимъ городамъ, — окраины страны, хотя и были уже развращены революціей, но не знали еще большевизма. Это давало бѣлымъ возможность уходить на окраины и формировать тамъ свои кадры; но это вело и къ тому, что окраины, «не изжившія еще» (какъ тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, *чѣмъ* онъ имъ грозитъ и потому не нашли въ себѣ силъ для поддержки бѣлыхъ выступленій до конца.

Бѣлое движеніе, какъ вооруженная борьба, зародилось сначала на *южной* окраинѣ Россіи и лишь потомъ вспыхнуло въ другихъ мѣстахъ. Борьба велась дольше всего тамъ, гдѣ она началась ранѣе всего. на югѣ, гдѣ 15 ноября 1917 г. (по новому стилю) генераль Алексѣевъ поднялъ въ Ростовѣ на Дону знамя протеста. Этотъ фронтъ просуществовалъ почти день въ день три года. На востокѣ, считая съ момента переворота адмирала Колчака до его убійства (съ ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась годъ и три мѣсяца. На сѣверѣ фронтъ генерала Миллера жилъ съ августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. И менѣе года просуществовалъ западный фронтъ генерала Юденича — съ конца 1918 года по октябрь 1919 года.

Мое краткое изслѣдованіе я дѣлю на три части. Первая — это разборъ данныхъ, которыя, съ моей точки зрѣнія неправильно «принято» считать за причины неудачи бѣлыхъ; вторая — изслѣдованіе факторовъ, которые, не составляя непосредственно самихъ причинъ, какъ бы ложатся въ основу послѣднихъ; и третья — изученіе того, что я считаю дѣйствительными причинами неудачи вооруженнаго выступленія.

Начну съ первой и въ частности съ оцѣнки *стратегическаго* положенія сторонъ въ гражданской войнѣ и тѣхъ *промаховъ*, которые были допущены съ обѣихъ сторонъ, какъ въ области широкой — стратегіи, такъ и въ болѣе узкой формѣ — *тактики*.

При одномъ взглядѣ на карту Россіи въ моментъ существованія *всѣхъ* бѣлыхъ фронтовъ, бросается въ глаза ихъ общее положеніе: въ серединѣ сплошное ядро красныхъ силъ, базирующихся на центръ страны и ея богатства; и вокругъ — кольцо бѣлыхъ силъ, имѣющихъ за собою почти во всѣхъ случаяхъ только море. А. какъ извѣстно, центральная власть всегда сильнѣе окраинныхъ протестовъ . . .

Въ стратегіи возможность *сплошнаго окруженія* надо считать, конечно, большимъ преимуществомъ, и потому, съ чисто теоретической точки зрѣнія, можно было бы считать положеніе бѣлыхъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе красныхъ внутри охватывающаго ихъ *кольца*. Однако, преимущество охвата было только кажущееся: для того, чтобы создать дѣйствительное кольцо, у бѣлыхъ не хватало многого. Во-первыхъ, *одновременное* существованіе всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ длилось *мѣняе года*, т. е. срокъ существованія западнаго фронта. тогда какъ движеніе было разбросано на неизмѣримыхъ пространствахъ; во-вторыхъ, и въ это время «кольцо» не только не замыкалось, но въ немъ были огромные пробѣлы и прорывы напри- мѣръ, въ видѣ промежутка между правымъ флангомъ Юденича и лѣвымъ флангомъ Деникина, промежутка, занятаго далеко неблагожелательными къ бѣлымъ польскими войсками . . . ; въ-третьихъ, не было единаго управленія всѣми бѣлыми силами, и не потому, что этого «не хотѣли» руководители отдѣльныхъ бѣлыхъ фронтовъ, но потому, что не было физической возможности создать единое командованіе. Стоитъ только вспомнить, что генераль Деникинъ для связи съ адмираломъ Колчакомъ (онъ считалъ себя подчиненнымъ ему) долженъ былъ пользоваться изъ Екатеринодара телеграфомъ — или черезъ русскаго посла Демидова въ Аѣинахъ, или черезъ Парижъ. Всѣ попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчакомъ ротмистръ Толстой-Милославскій пропутешествовалъ ранѣе, чѣмъ добратъся до юга, едва ли не четыре мѣсяца; поѣхавшій съ юга къ адмиралу Колчаку генераль Гришинъ-Алмазовъ такъ и не достигъ своей цѣли, — онъ погибъ въ Каспійскомъ морѣ отъ руки больше-

виковъ. Такъ было и въ сношеніяхъ между другими фронтами... Только лѣтомъ 1919 года на короткій промежутокъ времени въ Царицынѣ была установлена прямая связь фронта Колчака съ фронтомъ Деникина въ лицѣ уральскаго разбѣзда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновенье; и къ тому же въ этотъ періодъ восточный фронтъ переживалъ уже періодъ неудачъ...

Этимъ стратегическое преимущество передается краснымъ: оно давало имъ возможность, подобно Германіи въ Европейскую войну, вести борьбу по внутреннимъ операціоннымъ линиямъ и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска съ одного фронта на другой для того, чтобы наносить тотъ или иной заранѣе намѣченный ударъ. А размѣры бѣлыхъ силъ были таковы, что имъ *сжимать* было труднѣе, чѣмъ краснымъ *рвать*... У бѣлыхъ не было превосходства силъ для окруженія ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ масштабѣ (напр., окруженіе большевиковъ въ Ставрополѣ слабыми добровольческими частями и прорывъ красныхъ въ степь на востокъ осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что бѣлые не проявили рѣшительнаго стремленія исправить недостатки своего стратегическаго положенія. Вспомнимъ споры на югѣ Россіи изъ-за такъ называемой «правой» стратегіи (выдвиженіе направо, на востокъ, къ Волгѣ) и «лѣвой» стратегіи (выдвиженіе налево, на западъ, на Украину). Я лично всегда былъ сторонникомъ «правой» стратегіи, такъ какъ она вела къ объединенію фронтовъ восточнаго и южнаго, а слѣдовательно создавала если не кольцо, то хотя бы охватъ красныхъ.

Несомнѣнно, что «ошибки» дѣлались, какъ всегда, съ обѣихъ сторонъ; что онѣ были и у бѣлыхъ. Но считать ихъ непосредственными причинами неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ нельзя: ибо во всякой войнѣ бываютъ и стратегическія, и тактическія ошибки, но однѣ онѣ къ пораженію ведутъ очень рѣдко...

И враги, и друзья бѣлаго движенія, и болѣе лѣвые, и болѣе правые, — указывали не разъ, какъ на причину неудачи, на такъ называемое *отсутствіе положительной идеологіи* на бѣлой сторонѣ.

Справа бѣлыхъ обычно упрекаютъ въ томъ, что они не провозгласили чисто монархическаго лозунга. Я долженъ ска-

зять, что я открыто исповѣдую монархическія убѣжденія, и не только теперь, но исповѣдывалъ ихъ и на южномъ фронтѣ бѣлой борьбы, и притомъ въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя монархической газеты («Россія» и «Великая Россія» въ 1918—1919 г.г.). Но именно поэтому я представляю себѣ, что провозглашеніе монархическаго лозунга было возможно только въ единственномъ случаѣ и только на фронтѣ адмирала Колчака: именно, если бы удалось искуснымъ военнымъ выдвиженіемъ предотвратить преступленіе 17 іюля 1918 года, вслѣдствіе чего на восточномъ фронтѣ оказался бы Императоръ Николай II и его Семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *всякое провозглашеніе монархическаго лозунга привело бы не къ объединенію, а къ разъединенію бойцовъ, сражавшихся въ боевой линіи и объединенныхъ родиной, честью и врагомъ.* Именно пребываніе въ арміи научило меня (ибо первое время я самъ въ донесеніяхъ генералу Алексѣеву, изъ Харькова, и лично настаивалъ на провозглашеніи монархическаго лозунга) тому, что этотъ вопросъ рѣшающаго значенія для *дѣйствительныхъ* борцовъ не имѣлъ; беречь его — значило бы вносить страстность въ среду тѣхъ, кого надо было всѣми силами отъ этого оберегать.

Самый опытъ жизни бѣлыхъ фронтовъ показалъ, какъ мало значило провозглашеніе этого лозунга для успѣха или неуспѣха арміи. Вѣдь были опыты формировація бѣлыхъ армій подъ чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи иѣмцевъ Астраханская армія, оперировавшая и въ большей своей части погибшая подъ Царицыномъ, и Южная армія, подъ главенствомъ генерала Иванова оперировавшая въ Воронежской губерніи — носили на себѣ цвѣта дома Романовыхъ, но не поглотили собою другихъ формированій, а сами растворились въ нихъ. Не спасла бѣлаго дѣла и Земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархическій лозунгъ въ борьбѣ съ красными на Дальнемъ Востокѣ!..

Упрекъ въ отсутствіи «опредѣленной идеологіи» дѣлался бѣлымъ и слѣва. На этомъ упрекѣ долго останавливаться не стоитъ. Самый составъ арміи совершенно исключалъ возможность навязыванія ей «демократическихъ» лозунговъ: эти лозунги на протяженіи русской революціи достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое въ большинствѣ и составляло ряды бѣлыхъ формированій. Однако, и здѣсь исторія

дала живое доказательство безсилія соответствующихъ лозунговъ: демократическая армія Учредительнаго Собранія на Волгѣ развалилась не столько отъ натиска противника, сколько отъ своей собственной «демократичности», т. е. отъ комитетовъ, «сознательной» дисциплины и прочихъ прелестей революціонной эпохи.

При обсужденіи этихъ упрековъ необходимо помнить о томъ, какъ родились бѣлые фронты. На окраины стихійно кинулись всѣ тѣ, кто въ душѣ своей затаилъ протестъ противъ совершившагося насилія надъ страной, кто стремился донести этотъ протестъ до бѣлыхъ рядовъ и жилъ имъ въ періодъ вооруженной борьбы на фронтѣ... Для всѣхъ бѣлыхъ исповѣдуемая ими идеологія *освобожденія* Россіи всегда была въ достаточной степени *положительной*, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски какъ слѣва, такъ и справа... Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соответствовало настроенію главной части бѣлыхъ русскаго офицерства! Вѣдь въ бѣлые ряды шли не потому, что искали собственного спасенія; нѣтъ, туда шли именно тѣ, кто хотѣлъ *бороться*...

Только часть такихъ сильныхъ людей въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ оставалась въ самой гуницѣ красныхъ для борьбы съ ними на мѣстѣ, изнутри. Всѣ остальные или сразу попадали въ бѣлые ряды, или же присоединялись къ нимъ по мѣрѣ продвиженія бѣлыхъ фронтовъ къ центру страны. Тѣ же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовалъ въ себѣ силы для борьбы, имѣли возможность уйти за границу хотя бы черезъ Финляндію; не мало офицеровъ и солдатъ, не стремившихся къ борьбѣ за Родину, было вывезено также нѣмцами изъ Кіева...

Нѣтъ, упреки въ отсутствіи идеологіи, въ непріятіи правыхъ или лѣвыхъ лозунговъ, не указываютъ причины нашихъ неудачъ. Это только демагогическій пріемъ въ демагогическихъ выступленияхъ, не больше!

Необходимо остановиться также и на тѣхъ *элементахъ*, изъ которыхъ состояли бѣлая армія: таковы ея *начальники* и *армія* въ своей массѣ.

Въ отношеніи военной подготовки, боевого опыта и техническихъ знаній у руководителей армій — всѣ преимущества были, конечно, на сторонѣ бѣлыхъ. Въ этомъ отношеніи возж-

дей можно было бы раздѣлить на три группы: старые начальники Русской Арміи; начальники, выдвинувшіеся изъ рядового офицерства; и, наконецъ, начальники, выдвинутые волной революціи и революціонной борьбы.

Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ *первой* группѣ, бѣлыя арміи имѣли въ своихъ рядахъ почти всѣхъ выдающихся русскихъ вождей европейской войны. Мы видимъ въ рядахъ бѣлыхъ двухъ Верховныхъ Главнокомандующихъ Алексѣева и Корнилова; мы видимъ главнокомандующихъ арміями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видимъ въ рядахъ бѣлаго генералитета почти исключительно лицъ съ высшимъ военнымъ образованиемъ, или съ теоретическимъ цензомъ, въ лицѣ генераловъ Врангеля и Краснова, или кромѣ того и со служебнымъ — Калединъ, Марковъ, Дроздовскій, Богаевскій, Лукомскій, Казановичъ, Май-Маевскій, Юденичъ, Флугъ, Миллеръ, Эрдели, Марушевскій, Мурузи, Сахаровъ, Дидерихсъ, Капшель и др.

Что касается второй и третьей группы, то въ этомъ отношеніи я не вижу никакого различія между красными и бѣлыми рядами: если у красныхъ были Гиттисъ и Тухачевскій, офицеры по службѣ и образованію, то у бѣлыхъ были Покровскій и Шкуро; если у красныхъ командовали порожденные революціей матросъ Дыбенко и вахмистръ Буденный, то въ бѣлыхъ рядахъ командовали Пенеляевъ, фельдшеръ Гаида, выпедшіе изъ казачьихъ низовъ генералы Топорковъ и Павличенко...

Итакъ, обѣ послѣднія группы были представлены на *обѣихъ* сторонахъ. Но преимущество образованія и старыхъ навыковъ было, конечно, у бѣлыхъ, хотя бы уже потому, что въ красные ряды только съ теченіемъ времени вошли Селивачевъ, Балтійскій, Парскій, Сытинъ и Гуторъ... Тутъ время работало противъ бѣлыхъ!..

Но и тутъ, какъ въ вопросѣ о настроеніяхъ окраинъ, въ преимуществахъ бѣлыхъ вождей таились и ихъ недостатки: всѣ они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство изъ нихъ обнаруживало *отсутствіе необходимой творческой гибкости и рѣшительности* въ совершенно исключительной обстановкѣ. Исключеній было мало; ихъ имена говорятъ сами за себя...

Что же касается главной массы бѣлыхъ армій, то здѣсь, въ особенности съ начала вооруженнаго выступленія бѣлыхъ, всѣ преимущества были на ихъ сторонѣ. Нѣтъ лучше состава для арміи, какъ тотъ, который *идетъ на борьбу въ силу одухотворяющей его идеи*; а такимъ и былъ составъ бѣлыхъ съ самаго начала борьбы. Вотъ почему въ періодъ первыхъ выступленій ничтожныхъ силъ въ Сибири, въ началѣ движенія на югъ фронта генерала Миллера, въ первыхъ шагахъ отряда генерала Родзянко на западѣ и въ операціяхъ Добровольческой арміи на Сѣверномъ Кавказѣ, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая ихъ у красныхъ, конечно, съ боя, — мы всюду видимъ успѣхи; и потому же съ выходомъ всѣхъ фронтовъ на русскую равнину мы видимъ, что всѣ они, постепенно захлебываясь въ пространствахъ и во времени, приходятъ къ отступленію...

Въ тотъ періодъ у красныхъ были только насильно мобилизованные, такъ какъ партійныхъ коммунистовъ, добровольно пополнявшихъ ряды, было мало...; а мобилизованные, конечно, представляли собою матеріаль. съ боевой точки зрѣнія, отрицательный. Но съ теченіемъ времени, которое, какъ я уже говорилъ, благопріятствовало краснымъ, обстановка мѣнялась: надо было пополнять убыль въ таявшихъ рядахъ и бѣлымъ пришлось также прибѣгнуть къ мобилизаціи, т. е. къ принудительному привлеченію населенія въ свои ряды... Другихъ способовъ не было. Конечно, это развращало бѣлые ряды, такъ же какъ и та масса выживавшихъ, которая вливалась въ ряды побѣдителей, какими и были сначала бѣлые, и, превращая полки ихъ въ дивизіи, а дивизіи въ корпуса, на самомъ дѣлѣ не давала никакой реальной силы, потому что при первыхъ же неуспѣхахъ покидала боевые ряды...

Для характеристики, какъ трудно давалось пополненіе рядовъ, я приведу одну попытку, свидѣтелемъ которой я былъ самъ. Я имѣю въ виду прибытіе въ Екатеринодаръ изъ Франціи такъ называемаго «Легіона Чести». Украшенные трехцвѣтными знаменами, французскими военными крестами и медалями, осѣненные репутаціей людей, которые единственные изъ всѣхъ русскихъ находившихся во Франціи не измѣнили принятой присягѣ, — они припили и дополнили собою ряды южнаго бѣлаго фронта и... въ первомъ же бою перешли на сторону красныхъ, оставивъ у бѣлыхъ только своихъ офице-

ровь... Правда, перешли не всё: офицерская пулеметная рота сосѣдняго по фронту съ «легіономъ чести» полка въ-время замѣтила «маневръ» легіонеровъ и уменьшила число перебѣлчиковъ... Легіонеры стремились домой и почему-то думали, что ихъ не задержатъ для пополненія красныхъ рядовъ, какъ задерживали въ бѣлыхъ линіяхъ...

И опять, дѣлая выводъ, я долженъ придти къ заключенію, что первоначальное преимущество бѣлыхъ съ теченіемъ времени переходило на сторону красныхъ, которымъ мобилизованный матеріалъ давалъ лучшіе результаты. О причинахъ этого — въ дальнѣйшемъ.

Итакъ, во всемъ доселѣ разсмотрѣнномъ можно, конечно, найти извѣстныя данныя для того или иного объясненія бѣлыхъ неудачъ, но все это, конечно, не могло быть рѣшающимъ.

Несравненно большій вѣсъ имѣли иные факторы, которые возможно считать основаніемъ причинъ неудачи бѣлыхъ. Къ нимъ я теперь и перейду.

Я начну съ характеристики тѣхъ, кого бѣлые называли тогда «союзниками» и надежду на которыхъ принято. быть можетъ и не безъ основанія, ставить въ упрекъ бѣлымъ...

Генераль Деникинъ въ своемъ трудѣ называетъ политику державъ Антанты *своекорыстной*. Миѣ кажется, что это и есть самое правильное опредѣленіе этой политики. «Союзниковъ» нельзя, конечно, считать *предателями*, ибо въ концѣ концовъ они, послѣ мира въ Брестѣ, ничего реальнаго Россіи, какъ таковой, не обѣщали; а наши русскіе національные интересы были имъ совершенно чужды и они расцѣпывали ихъ не высоко. Они были дѣйствительно своекорыстны, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далѣе этого не шли.

Всѣмъ хорошо памятна роль «союзниковъ» въ Сибири: вся «помощь», вся поддержка бѣлымъ длилась только до тѣхъ поръ, пока державамъ Согласія угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать хотя бы только угрозу возстановленія русско-германскаго фронта. На этомъ-то фронтѣ и оказались — и чехо-словаки, сыгравшіе впоследствии такую плачевную роль въ ликвидаціи фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы съ ихъ генераломъ, санкціонировавшимъ впоследствии предательство по отношенію къ русскому вождю...

И на сѣверномъ фронтѣ, какъ и на Волгѣ за чехо-словаками, формировались русскія силы за англичанами и французами; и тамъ такъ же, какъ и въ Сибири, «союзники» оставались лишь до тѣхъ поръ, пока событія на поляхъ Франціи не сдѣлали русскій фронтъ просто излишнимъ... Тогда англичане ушли; правда, они предложили русскимъ уйти вмѣстѣ съ ними, но, когда тѣ, стремясь къ освобожденію Родины, естественно отказались, то англичане передъ уходомъ, вмѣсто того, чтобы передать запасы и снаряженіе русскимъ, *утопили все въ морѣ*... И послѣ ихъ ухода снабженіе сѣвернаго фронта велось со дна моря... Легко себѣ представить, въ какомъ видѣ море возвращало все то, что оно получило отъ «союзниковъ».

Нельзя не вспомнить также роль англійскаго флота при наступленіи бѣлыхъ на Петроградъ, — когда русскія силы при атакѣ Красной Горки были оставлены ими безъ всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крымъ», внезапно оставленные «союзниками» въ нетѣпый и ничѣмъ не вызываемый 48-мичасовой срокъ! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками подъ Березовкой у Одессы отъ французовъ, бѣжавшихъ передъ красными потому, что по ихъ свѣдѣніямъ въ рядахъ большевиковъ оказались нѣмецкіе инструктора, т. е. тѣ самые враги, побѣду надъ которыми «союзники» какъ разъ въ это время праздновали на западномъ фронтѣ!..

Достаточно вспомнить тѣ обѣщанія, которыя давали отъ лица своего правительства французскій консулъ Энно въ Одессѣ и французскій офицеръ Эрлишъ въ Екатеринодарѣ... Теперь многое тайное стало уже явнымъ. Въ «Архивѣ русской революціи» *) напечатана секретная сводка сношеній главнаго командованія на югѣ съ командованіемъ французскимъ: гдѣ же тѣ «дивизіи», которыя были обѣщаны французами на смѣну уходившихъ съ Украины нѣмцевъ? Вся «помощь» ограничилась только снабженіемъ, даннымъ англичанами, которые однако, въ то же время не преминули поддержать враждебныя Деникину кавказскія новообразованія...

Политика «союзниковъ» была именно своекорыстной: имъ была нужна противогерманская Россія; а потомъ?... есть

*) Томъ XVI.

основанія предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь въ силу того, что *россійская неразбериха была просто выгодна для нихъ . . .*

Вспомнимъ и Крымъ послѣдняго періода, періода командования генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содѣйствіе» уже въ Новороссійскѣ. А французы . . . Если считать «помощью» словесное «признаніе» и присылку комиссара Мартеля, то, конечно, они помогли. Но если въ помощи видѣть что-либо болѣе реальное, то она безспорно была миражемъ.

Выводъ ясенъ: «союзники» работали *на себя* и «помощь» ихъ бѣлымъ была далеко не такъ реальна, какъ это принято изображать.

Однако, говоря такъ о «союзникахъ», я считаю себя обязаннымъ вспомнить тѣхъ англичанъ, которые были съ нами въ самомъ пеклѣ боевыхъ линій. Такъ, въ Кіевѣ, въ концѣ 1919 года, я помню англичанъ, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили въ атаку съ русскими ротами, оставшимися безъ офицера. Они *поняли*, что такое большевики; но убѣдить въ этомъ своихъ соотечественниковъ, оставшихся на родинѣ, они не могли. Нельзя не вспомнить и тѣхъ французовъ, которые, будучи на мѣстѣ дѣйствія, не смогли отказать въ помощи бѣлымъ при эвакуаціи Крыма . . . Быть можетъ ихъ измѣнило то, что они *увидѣли* въ Россіи? Но вопросы помощи рѣшались не на мѣстахъ боя, а въ Лондонѣ и Парижѣ, въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ.

Остановливаясь на взаимоотношеніяхъ съ иностранцами, я долженъ сказать, что въ политикѣ бѣлыхъ тоже не все было благополучно и удачно; и въ такой борьбѣ, когда падо было пользоваться всѣмъ, быть можетъ даже пренебрегая извѣстными послѣдствіями, мы не умѣли привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную, и окраинную . . .

Такъ, нельзя не пожалѣть, что наши старые дипломатическіе представители, сохранившіе на мѣстахъ свое положеніе и располагавшіе прежними средствами, порою признавали русскіе бѣлые фронты и силы лишь съ оговорками, «постольку — поскольку», неудачно примѣняя эту формулу проклятія, порожденную революціей!

Но и въ сношеніяхъ съ лимитрофами было много промаховъ. Такъ, непризнаніе адмираломъ Колчакомъ или же про-

сто генераломъ Юденичемъ — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндіи и Эстоніи, быть можетъ было основной причиной неудачи бѣлыхъ на западномъ фронтѣ; непризнаніе же поляковъ генераломъ Деникинымъ сдѣлало ихъ постоянными противниками бѣлыхъ. Возможно, что нѣсколько иначе слѣдовало разговаривать и съ «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюрѣ, ибо мало кто возьмется опредѣлить, гдѣ кончалось «украинство» Симона Петлюры и гдѣ начинался большевизмъ Льва Троцкаго. Но «украинцевъ» гетмана было цѣлесообразно признать...

И опять, переходя къ очередному заключенію, я долженъ повторить, что взаимоотношенія съ «союзниками», при наличности ихъ своекорыстія и нашихъ упущеній, все-таки нельзя разсматривать, какъ основную причину неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ...

Въ чемъ же она?

А. фонъ-Лампе.

(Окончаніе слѣдуетъ).
